

№ 9 (68)
1995

Всероссийское
Общественно-
политическое
движение

«Духовное
наследие»

Издается с 1992 г.

Редакционная коллегия
ШТОЛЬ В.В.
(главный редактор)

Еременко И.Н.
(исполнительный директор)

Извеков Н.Н.
Майоров Д.А.
Макаров В.В.
Мичунович В.
Новиков Ю.Д.
Янин И.Т.

ИЗДАТЕЛЬ
ООО «РАУ-Университет»

Обозреватель - Observer

Внутренняя политика

- [Как нам спасти Россию \(пресс-конференция Г.Зюганова и А.Подберезкина\)](#)
- [Какая идеология нужна России? Э.Баграмов](#)
- [Укреплять систему ПВО - веление времени. В.Симаков](#)

К 50-летию ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

- [В тылу врага. А.Павлов](#)

Внешняя политика

- [Операции ООН по принуждению к миру. С.Рогов, И.Кобринская](#)
- [Война или мир? \(что думают американские политологи\)](#)
Г.Дробот

Экономика

- [Мировые тенденции развития банковской сферы. Ю.Ковалев](#)

СТАТИСТИКА

- [Что будет с животноводством в 1995 году. Л.Ващуков](#)

РЕФОРМА ЗА РУБЕЖОМ ГЛАЗАМИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

- [Преодоление кризиса \(опыт США времен "Великой депрессии"\)](#)
В.Фомушкин

Страницы отечественной истории

- [Василий Темный, или Размышления о судьбе Отечества. А.Авдеев](#)

Оригинал-макет подготовлен редакцией информационно-аналитического журнала «ОБОЗРЕВАТЕЛЬ - OBSERVER».

Адаптирован для WEB [службой поддержки.](#)

ВАСИЛИЙ ТЕМНЫЙ, или РАЗМЫШЛЕНИЯ О СУДЬБЕ ОТЕЧЕСТВА

А.АВДЕЕВ

УСОБИЦЫ

Великий князь Московский Василий II (1425-1462 гг.) воистину оправдывает прозвище, под которым вошел в историю, - Темный. С одной стороны, его дела меркнут в лучах славы деда - великого князя Дмитрия Ивановича, что одержал на Дону славную победу над Мамаем. С другой - имена его сына, Ивана III, и правнука, Ивана IV Грозного, гораздо лучше известны любому россиянину (и не только!) еще со школьной скамьи.

Московский престол он получил в 9-летнем возрасте, после неожиданной кончины отца - великого князя Василия Дмитриевича (27 февраля 1425 г.). Такого на Руси еще не бывало: у Рюриковичей верховная власть по традиции переходила не от отца к сыну, а по старшинству в роде. И по правилам престолонаследия великим князем должен был стать дядя Василия - князь Звенигородский и Галичский Юрий Дмитриевич. Это и явилось, как утверждает большинство историков, причиной феодальной войны. Уязвленный Юрий Дмитриевич, в лучших традициях удельных времен, силой оружия решил доказать собственную правоту. Взялся за оружие и Василий Васильевич. Так на добрую четверть века в усобицу были ввергнуты многие русские княжества и земли - от Новгорода Великого до Калуги, Галича и Вятки.

И все же не за родовую обиду поднял Юрий Дмитриевич меч на своего племянника. На повестку дня встал главный вопрос - о будущем устройстве Русского государства. Останется ли оно федерацией княжеств или же будет унитарным, с сильной централизованной властью, диктующим остальным землям свою волю, возведенную в закон. Какие отношения будут определять связь вошедших в него земель - равноправие или господство и подчинение?

Конечно, вопрос и в том, насколько Юрий Дмитриевич был последователен в защите идеи федерации. Объективно - она помогала ему укрепиться на великокняжеском престоле, субъективно - Звенигородский князь находился в положении собственного отца, которого, с одной стороны, эта форма государственности вполне устраивала, с другой - он был ее столь же последовательным противником. Захватив в 1432 г. московский стол, Юрий Дмитриевич впервые стал помещать на великокняжеских монетах всадника, поражающего копьём змия, - изображение своего небесного покровителя Георгия Победоносца. То, что оно было впоследствии сохранено Василием Темным и даже превратилось в государственный герб, свидетельствует о том, что непокорный дядя очень верно уловил суть этого

символа как стремление не только бороться с темными силами, но и утверждать собственное единодержавие. Наконец, умирая, Юрий Дмитриевич, подобно своему брату, передал великое княжение по наследству старшему сыну - Василию Косому, хотя принцип родового старшинства был здесь соблюден: наследник был старшим среди князей "гнезда Калиты". Искушение властью сделало свое дело.

ХИТРЫЙ И БЕЗЖАЛОСТНЫЙ ПОЛИТИК

В начале правления малолетний отрок Василий еще во многом напоминал отца, "безличного и осторожного" Василия Дмитриевича. Политик ниже среднего уровня, который постоянно плелся в хвосте событий, не умея ни предугадать их хода, ни обратить к своей пользе.

Отличался ли великий князь от своего двоюродного брата? По мере затягивания феодальной войны в Василии II просыпался хитрый и безжалостный политик.

Он умел быть столь же великодушным к поверженным противникам. В мае 1436г. Василий Васильевич разгромил войско старшего сына Юрия Дмитриевича - Василия Косого, великого князя Московского, не признанного даже родными братьями. Потерпевший поражение претендент на престол был схвачен и отправлен в Москву. Василий Васильевич не решился пролить братскую кровь и даже сохранил пленнику жизнь, однако, желая, чтобы строптивый родственник раз и навсегда выбыл из политической борьбы, приказал ослепить Василия Косого.

В 1445 г. Василий потерпел сокрушительное поражение от ордынцев и, тяжело раненный, попал в плен. Освободившись лишь ценой унижительного выкупа в 200 тыс. руб. (что равнялось сумме дани с Руси за 30 лет!), он привел за собой множество татар, желавших поступить на великокняжескую службу. Неудивительно, что москвичи - и бояре, и именитые купцы, и монахи главнейших обителей - отвернулись от Василия II, предпочтя ему среднего сына Юрия Дмитриевича - Дмитрия Шемяку, который уже не раз побивал войско великого князя.

Но, что самое характерное, популярный Шемяка имел тот же набор родовых "добродетелей", что и его кузен. Ведь по его приказу Василий Васильевич был извлечен из храма - убежища, которое всякому русскому казалось неприкосновенным. Шемяка устроил беззащитному князю короткое, но несправедливое судилище, ослепив его. Шемяка надругался над семьей Василия Темного, сослав и его мать, и жену, и детей в отдаленные уделы.

1446 г. стал переломным для Василия Темного. Ослепленный и униженный, он не сложил оружия, не стал, подобно Василию Косому, смиренно ожидать кончины, навсегда отойдя от политической деятельности. Какой силой характера должен был обладать этот князь, чтобы, даже и лишившись зрения, выйти не только победителем в неравной борьбе, но и затем оставаться главой государства в течение полутора десятилетий.

Василий Темный сумел использовать самую действенную силу, то, что не смогли оценить по достоинству его противники, еще остававшиеся в тисках удельного самовластия, - общественное мнение. Зверская расправа, учиненная Шемякой, который пограл все нравственные законы, принесла великому князю ореол мученика. Скорый же и несправедливый суд над Василием Темным стал нарицательным "Шемякиным судом - символом лжи и неправосудия власть предержащих.

Всего лишь год продержался Дмитрий Юрьевич на московском столе. Зимой 1447 г. столица с колокольным звоном встречала Василия Васильевича, вернувшего власть без кровопролития: моральная победа оказалась прочнее.

Оказавшись в Москве, Василий II продолжал разыгрывать роль доброго и справедливого князя, правда, с большой выгодой для себя. Изувеченный по наущению бояр-изменников, он не ознаменовал своего возвращения массовыми казнями и ссылками, как сделал бы на его месте Иван Грозный: время тотального террора еще не пришло. Всем сторонникам Шемяки была сохранена жизнь, достоинства их никто не унижил. Не было даже элементарного розыска по делу об измене. Василий Темный подтвердил право бояр выезжать на службу любому князю, как до сих пор практиковалось на Руси. На этом милости, бесспорно, привлекая к ослепшему князю сердца многих, иссякли.

Василий Васильевич раньше других правителей Руси нащупал самое слабое место боярства - владение вотчинами - то, что составляло фундамент их экономического и политического могущества. Почти на столетие раньше опричных мероприятий он одним махом подрубил благосостояние изменников. Правда, в отличие от правнука, не пролив ни капли крови и без излишней огласки. Говоря иначе, великий князь, пользуясь правом верховного собственника земли, конфисковал, или, как говорили в Древней Руси, "записал на себя" все земельные владения мятежных бояр, лишив их заодно боярского достоинства - отказал в службе. Бояре, поддержавшие Шемяку, лишились и экономической независимости, и средств к существованию. Им оставалось возвращаться на службу к Василию Темному, но не всевластными вотчинниками, а служилыми людьми, чья зависимость от князя возникала по получении земель, но не наследственное, а во временное владение с условием исправного несения службы. Так на Москве зарождалась новая, поместная форма землевладения, во времена Василия Темного еще не ставшая системой.

В известной мере этот князь подготовил ее превращение в государственный институт, окончательно сформировавшийся лишь в начале правления Ивана III. Мятежные бояре, сохранив жизнь, утратили боярское достоинство:

они словно опустились по общественной лестнице на ступеньку ниже, уравнившись в правах с детьми боярскими - теми людьми, кто принадлежал к знатым родам, но, не имея собственных вотчин, просил покровительства у младших князей или могущественных вотчинников, получая земли под залог службы.

Этот маневр слепого князя удалось разгадать С.Б. Веселовскому. В монографии, посвященной истории боярских родов - класса служилых землевладельцев, он обратил внимание на странные формулировки в купчей грамоте Василия II на вотчины, которые некогда принадлежали жене и дочери боярина Ивана Старкова - ближайшего сподвижника Шемяки на Москве. По этому документу у женщин, имевших несчастье состоять в родстве с мятежником, отбирались все земли, но не безвозмездно. От имени князя составлялась фиктивная купчая, по которой прежние владельцы получали пожизненное право пользования доходами от "проданных" сел, а после их смерти те переходили в собственность великого князя или (в случае его кончины) к его вдове. Последняя обязана была выплатить оговоренную в купчей стоимость сел. Кому следовало получить эти деньги - в грамоте не оговаривалось. И

так было ясно, что хитроумный способ "купли-продажи" лишал права владения вотчинами единственного их наследника - Алексея Ивановича Старкова, который автоматически выбывал из среды боярства.

Василий Темный умел дорожить общественным мнением. Поклявшись в свое время на кресте блюсти мир с пленившим его Шемякой, он и не стремился начинать военных действий против брата первым, ожидая, что тот рано или поздно начнет их сам. И лишь после того, как игумен Кирилло-Белозерского монастыря Трифон снял с великого князя крестоцеловальную клятву, возобновил борьбу за власть. Вернув престол, Василий Темный еще раз поклялся на кресте не воевать с галичским князем - и вновь прибег к испытанному маневру. Шемяка начал боевые действия первым, Василий же Темный в глазах всего русского общества оказался морально обязанным покарать клятвopреступника, который нарушил крестное целование. Так Дмитрий Шемяка без особых на то усилий со стороны великого князя оказался прочно скомпрометирован, если не сказать больше - полит грязью, от которой ему отмыться не удалось: русские люди увидели в клятвopреступлении нового Святополка Окаянного, князя-братоубийцу, чье имя было подлинным проклятием Рюриковичей. Каждый помнил о том, что этот злодей, дабы удержать за собой киевский стол, в нарушение принесенных клятв, не погнушался убийством собственных братьев - Бориса и Глеба.

В начале 1450 г. великокняжеское войско двинулось на Галич. И ни один из удельных князей не осудил этой акции: мнимая бездеятельность Василия Темного доказала всем необходимость расправы над Шемякой.

К войне с галичским князем, которая должна была стать последней, он, невзирая на крестное целование, готовился тщательно. Не только из летописей, но и на собственном опыте Василий Темный прекрасно знал, что еще никто не мог взять Галич штурмом. Город стоял на высоком холме, почти отвесные склоны которого делали его неприступным. Не только великокняжеское войско, но и многочисленная Батыева орда не сумели одолеть крепостных стен. Столь же бесплодными были и набего луговой черемисы, предков современной мордвы. Но эти попытки штурмовать город предпринимались в старых традициях, что называется, "в лоб", без учета самого слабого его места - со стороны озера.

С озерного берега и готовил Василий Темный главное направление штурма. Но, прекрасно зная, что в Галичской крепости сосредоточены крупные силы, великий князь измыслил иную хитрость. Он разделил войско на два отряда. Один должен был подойти к городу со стороны Костромской дорога, откуда к Галичу всецпа приближался неприятель. Другой, перейдя озеро по льду, обязан был захватить крепость. Это сулило минимальные потери. Самую крупную ставку Василий Темный сделал на характер Шемяки, в котором еще жил удельный князь, способный разве что меряться силами с противником в чистом поле.

Его расчет более чем оправдался. Заслышав о приближении московского войска, Шемяка вывел из крепости всю дружину и бросился с нею к Костромской дороге, ища себе славы, а врагам - гибели. Тем временем другая половина великокняжеского войска перешла Галичское озеро и вступила в глубокие овраги, окружавшие крепость. Город оказался полностью беззащитным - не помогла даже крепостная артиллерия: москвичи находились вне зоны досягаемости ядер. Галичан подвела даже природа: в день штурма случилась небывалая в тех краях оттепель, и крепостные валы, покрывавшиеся в морозы скользкой ледяной коркой, превратились в осклизлую снежную кашу.

Так Шемяка попал в окружение, его дружина была почти полностью уничтожена, а самому ему с великим трудом удалось бежать с поля боя.

Галичане сдались на милость победителя. Мы не знаем, с какими чувствами они выслушали решение великого князя о ликвидации Галичского удела и о назначении в управление им наместников. Феодалная война завершилась. Идея федерации оказалась погребенной на многие столетия.

Василий Темный, одержав победу, и далее держался мудрым и справедливым политиком. Однако с годами в нем все более возрастало презрение к жизни подданных.

РЕПРЕССИИ ВО ИМЯ ВЛАСТИ

Первое время он стремился избегать крупных кровопролитий. Шемяка, еще в 1446 г. признанный новгородцами, которые ревниво оберегали свои вольности от цепких рук Москвы, князем нашел приют в их городе, но от иллюзий захватить великокняжеский стол в ходе новой войны не отказался. Его дружина время от времени совершала набеги на владения Василия Темного, но тот, казалось бы, не замечал этого, стремясь уберечь государство от новой усобицы.

Выход из создавшегося положения был по-азиатски коварен: в 1453 г. доверенный человек Василия Темного отправился в Новгород, вошел в сговор с поваром Шемяки, и неугомонный князь был отравлен. Дальше глухих слухов о причастности князя к внезапной смерти Шемяки дело не дошло, сам же факт отравления был неопровержимо доказан лишь в наши дни - и то с помощью криминалистов.

Так в арсенале средств политической борьбы на Руси прочно укрепился еще один метод устранения соперников - с помощью яда. Впрочем, подобный грех, по всей вероятности, лежал и на совести Шемяки: он также не гнушался прибегать к отраве в тех случаях, когда цель оправдывала средства. Видимо, не без его помощи в сентябре 1440 г. при странных обстоятельствах умер галицкий князь Дмитрий Красный, у которого с Василием Темным сложились очень хорошие отношения. Владельцем удела после смерти брата стал Дмитрий Шемяка...

Годы по окончании феодальной войны были триумфальными для Василия Темного. Трезвый и безжалостный политик, он сильной рукой сокращал саму возможность возрождения феодальной вольницы. Князя "дома Калиты" в его глазах уже не били родственниками - всего лишь подданными великого князя. В 1454 г. "за неисправление" с Можайского стола был согнан дядя Василия Иван Андреевич, потомок младшего сына Дмитрия Донского. Можайское княжество отошло к Москве и как самостоятельный удел прекратило существование. Два года спустя "за некую крамолу" был схвачен князь Серпуховской Василий Ярославич, так и умерший в заточении. Его удел был ликвидирован. Лишь хитрый и дальновидный князь Верейский Михаил Андреевич вел себя так, чтобы не дать великому князю повода к ликвидации и этого удела.

Василий Темный становился единовластным государем. Но менялась и психология людей, служивших ему: за время феодальной войны выросло новое поколение боярства, психология которого была психологией подданных. Рассмотрим это на примере. В 1456 г., во время войны с Новгородом, князь И.В. Оболенский-Стрига и боярин Ф. Басенок неожиданно приступом овладели Русой. Нагруженная богатой добычей рать была отпущена назад, а небольшой отряд в 200 человек во главе с воеводами двинулся дальше. Внезапно его атаковало 5-тысячное войско новгородцев. Отступать воеводы наотрез отказались. "Если не пойдём биться, - решили они, - погибнем от государя. Лучше помереть на поле боя". Страх перед великим князем оказался сильнее, чем верная гибель. Войско вступило в сражение и... одержало решительную победу. Новгородское войско, по старинке комплектовавшееся из тяжелой кавалерии, оказалось бессильным перед горсткой москвичей - лепсих всадников, экипированных по татарскому образцу. Сражение решило ход всей кампании, но, подчеркнем еще раз, не личное мужество двигало воеводами, а страх перед государевой карой: и князь Оболенский-Стрига, и боярин Басенок видели в Василии Темном уже не великого князя, первого среди равных, а всевластного государя.

В последний раз государственная мудрость Василия Темного проявилась за два года до смерти - в 1460 г. Новгородцы, признавшие его своим князем, вновь взбунтовались. На вече раздались голоса, призывавшие расправиться с князем, его детьми и ненавистным наместником - небезызвестным Федором Басенком. Но, что характерно, бунтовали "господа" - зажиточные новгородцы, терявшие власть под сильной рукой Василия Темного. Народные низы, как и во времена феодальной войны, безмолвствовали. Образ "добротного царя" в народной психологии еще не сложился.

Чтобы остановить бунт, слепой князь, рискуя жизнью, появился на вече - безоружный, вместе с сыновьями. Княжеской дружины в городе не было. Отчаянный по смелости поступок отрезвил даже самые горячие головы - новгородцы смирились.

В марте 1462 г. возник новый заговор, который грозил перерасти в феодальную войну. Служилые люди низложенного Василия Ярославича Верейского решили выручить опального князя. Его сын даже вошел в сговор с бежавшим в Литву Иваном Можайским. Не сомневаясь в успехе начинания, мятежники поделили и великокняжеский стол, и казну, и уделы, и даже будущих пленников.

Планы заговорщиков раскрылись. Василий Темный, у которого всегда были слишком свежи воспоминания о феодальной войне, на этот раз отбросил маску кроткого и милостивого правителя. С его нынешней точки зрения, все это заслуживало незамедлительной кары. И все же нельзя забывать, что служилые люди, составившие заговор, просто хотели честно исполнить долг по отношению к господину, надеясь исправить несправедливость, которую допустила верховная власть. Василий Темный считал иначе:

в Московском государстве существует только долг перед великим князем, исполнять который нужно под страхом смерти.

Так в Москве впервые увидели массовые политические казни. Схваченных заговорщиков, привязав к конским хвостам, с позором проволокли по улицам города, а затем предали смерти. Их били плетью, отсекали руки, ноги, головы. Потоки крови залили столицу. И можно понять чувства летописца, сделавшего скорбную запись: "Николи же таковая не слышаша, ниже видеша в русских князех бываемо". Как бы там ни было, в русских людях еще жила убежденность, что недостойно благоверному князю проливать кровь христиан-единоверцев. И как закономерная кара за учиненное кровопролитие стала смерть Василия Темного всего через несколько дней после казни. Однако открыто протестовать не решился никто.

Конечно, не во всем здесь вина великого князя. На Руси вопрос о неприкосновенности личности никогда не ставился. Политическая мысль русского средневековья не смогла выработать документа, подобного "Великой хартии вольностей" (1215 г.), защищавшего человека от произвола верховной власти. "Заслуга" Василия Темного как раз в том и состоит, что он впервые прибег к террору как одному из надежнейших средств государственной политики.

Так Россия вступила в новый период истории, осененный "блеском кровопролитий" Ивана IV, правнука слепого князя: кровавые казни деда стали для него образцом для подражания и наиболее действенным средством разрешения внутренних противоречий. Террор превращался в официальную политику.

НОВЫЙ ПОРЯДОК

Что же оставил Василий Темный старшему сыну? Новый порядок наследования верховной власти - не по родовому старшинству, но от отца к сыну. Москву - в единодержавное владение, а, кроме того, еще 12 крупнейших городов Руси, в том числе и попавшие под власть великого князя в ходе феодальной войны. Младшие сыновья, как и встарь, получили уделы на московских землях.

Что же? Федерация возрождена, и жертвы, понесенные Василием Темным, оказались напрасны? Неужели он действительно одержал пиррову победу, очередную в отечественной истории? И да, и нет. Как кажется, великий князь сохранил лишь видимость прежней федерации: ведь ни один из братьев Ивана Ш уже не смел претендовать на верховную власть в государстве. И сам удельный князь, и его потомки отныне навсегда оставались на второй ступени в княжеской иерархии. К тому же уделы, которыми они владели, не были, в отличие от великокняжеской власти, их наследственной собственностью, да и располагались не компактной группой, как встарь, а были разбросаны по всему Московскому княжеству. И сами удельные князья уже не могли похвалиться "одиначеством" с великим князем. Они стали его подданными, и Иван III мог легко наказать строптивых родственников либо перераспределением их владений между более лояльными братьями, либо лишением удела.

Сильнее единодержавных стремлений оказались традиции: нарушить их, а тем более устранить одним росчерком пера, оказалось, как убедился Василий Темный, небезопасно. Оставалось действовать исподволь, избегая решительных шагов, что и сделал Иван Ш, окончательно похоронивший Московскую федерацию. Как и отец, он видел в удельных князьях всего лишь подданных и, презирая родственные чувства, постепенно ограничивал их права, урезая удельную систему отношений.

Таким образом, как справедливо заметил С.М. Соловьев, княжение Василия Темного лежало на рубеже двух эпох в истории России: с его смертью закончилась древняя история нашего Отечества и началась новая. В крови и бесчинствах феодальной войны вырос новый государственный порядок, который предусматривал сохранение всей полноты власти только в одних руках.

Итак, каким же был Василий Темный, повернувший историю России к такому порядку? Большая часть его правления прошла в борьбе за власть, удержать которую традиционными методами он был не в состоянии. Упорный и властный, он сумел победить соперников тем, что преодолел в себе черты удельного князя, став государем, подлинным правителем единого государства. Жестокость и коварство Василий Темный умело скрывал под маской великодушия и осторожности, поражения легко превращал в победы, щедро расплачиваясь за успех жизнью и достоинством подданных. Главной добродетелью последних в глазах князя становилась не просто верная служба, но полное - до самоотречения - согласие с верховной властью. Даже малейшее подозрение на инакомыслие могло обернуться рухнувшей карьерой, а то и смертью. В конце жизни Василий Темный уже не останавливался и перед массовыми казнями - жизнь человека перестала иметь ценность для верховной власти.

Через полвека после смерти Василия Темного посланник австрийского двора Сигизмунд Герберштейн напишет о внуке слепого князя, Василии III: "Властью, которую он имеет над своими подданными, он далеко превосходит всех монархов целого мира... Всех одинаково гнетет он жестоким рабством... Все они называют себя холопами, то есть рабами государя... Этот народ находит больше удовольствия в рабстве, чем в свободе". Такovy были плоды правления Василия Темного. Он оказался первым самовластием в истории России, в его действиях можно угадать многие черты грядущей судьбы Отечества.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)]